

ГЛАВА 13. НАЦИОНАЛЬНОЕ И НАДНАЦИОНАЛЬНОЕ В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ

А.Д.Богатуров

С середины 90-х рассуждения о национализме в России стали общим элементом политологических работ. На страницы западной прессы возвратились и предречения об угрозе российского неоимпериализма. Тон, как водится, задали американские «меньшинства» — от польского (З.Бжезинский) и западноукраинского (А.Мотыль) до не по малочисленности задорного крымско-татарского. Западное сознание тревожно реагирует на очевидный факт: национальное возвращает в российскую интеллектуальную, политическую и эмоционально-бытовую среду мощно, хотя до досадного «развязно» и неумно.

В международных оценках национальной волны в России преобладает один мотив — угроза шовинизма, сопряженная с экспансией. Предлагаемая статья — попытка взглянуть на проблему иначе: национализм, если его удастся утвердить в России в умеренной, либеральной форме, не обязательно должен сопрягаться с ростом международной конфликтности. Он может стать внутренним ограничителем исторически доказанной склонности России к саморасширению, равно как и средством, способным предохранить Российскую Федерацию от участи Советского Союза.

Проблема, однако, в том, что сдерживающую роль либеральный национализм способен проявить лишь в национальном государстве, каковым Россия еще не является, хотя может им стать. Стоит сразу уточнить понятия. Национальное государство не обязательно равнозначно моноэтническому — такому, как Япония. Под национальным понимается государство, сложившееся вокруг какого-то численно и территориально преобладающего этноса, принадлежность к культуре которого стала основой самоотождествления для подавляющего большинства граждан независимо от их этнических корней и оказалась признаком, на внешнем уровне отличающим данное государство от остальных членов международного сообщества.

Рядом с национальными в мире веками сосуществовали государства, построенные по наднациональному принципу. В качестве организующего начала они постулировали не общность культурно-психологического склада, а политическое единство территории, принадлежность и верность государству и его институтам (монархии, например, или советскому строю). В таком государстве вместо естественного доминирования той или иной культуры существовала, скорее, иерархия культур, одна из которых выполняла роль официальной, играя на внешнем уровне роль знака принадлежности к данному

государству, но которая не обязательно являлась для большинства населения основой для самоотождествления.

Национальное государство — феномен прежде всего культурный и психологический, оно ориентировано на высокую степень культурной общности, влекущей за собой единообразие психологического склада и представлений о базисных ценностях. За счет этого достигается органическая прочность государства. По этому признаку, а не показателям численности этнических групп причисляют себя к национальным государствам подрагивающая от ссор англо- и франкоговорящих граждан Канада, непрерывно выясняющая отношения со своими каталонцами и басками Испания, полуваллонская — полуфламандская Бельгия, не говоря уже о Румынии с ее трансильванскими венграми.

Наднациональное государство — образование в основном экономическое, политическое и военное. Три его формы — «сплошные империи» (Российская, Австро-Венгерская и Османская), Советский Союз, а также колониальные империи — Голландская, Британская, Французская и др. Государство представляет собой не культурное, а территориально-политическое единство, в нем сведены сильно различающиеся в этнопсихологическом отношении группы, согласные, возможно, на соработничество, но не на слияние (Левобережная Украина после Рады — в России, Богемия — в империи Габсбургов).

Очевидно, что вопрос о выборе между национальной и наднациональной концепцией государства в России сводится к нахождению адекватного соотношения между культурно-психологической составляющей государственного строительства и его экономико-политико-военным компонентом. Аргументов в пользу каждой из концепций можно привести десятки — цель, скорее, занятная, чем наделенная смыслом, тем более что в памяти всплывают не без иронии смиренные слова Отто фон Бисмарка: «Политик ничего не может сделать сам. Он должен только ждать и вслушиваться — до тех пор, пока сквозь шум событий не услышит шаги Бога, чтобы затем, бросившись вперед, ухватиться за край его мантии»¹. И в нашем случае — дело не в интеллектуальных и политических пристрастиях, а в потребности понять, какой из двух вариантов соответствует глобальной тенденции, а какой обрекает на противостояние ей.

Соотнесем очередную «российскую дилемму» с международным контекстом. За лесом восторженных и ревниво-скептических откликов на статью Ф.Фукуямы «Конец истории?»² почти потерялась идея, которую лично я склонен считать в его работе главной. Интеллектуальное зерно его опуса — в констатации не победы либерально-демократического сознания, а возвращения идеального на то положенное ему высшее место в иерархии человеческих мотивов и ценностей,

¹ Цит. по: Taylor A.J.P. Bismark. The Man and the Statesman. N.Y., 1967. P. 115.

² Фукуяма Ф. Конец истории? // США: экономика, политика, идеология. 1990. № 5.

которое с утверждением капитализма было «узурпировано» у него материализмом. Возможно и спорная, эта мысль, как представляется, воплощает глубинную тенденцию 80-х и 90-х годов. Вряд ли случайно, что принадлежащая новой политологической знаменитости Самуэлю Хантингтону концепция «конфликта цивилизаций» с присущем ей акцентом на культурно-мировоззренческом компоненте конфликтности, несомненно, косвенно подтверждает точность изначального наблюдения Ф.Фукуямы.

Отталкиваясь от замеченной обоими тенденции к «реваншу» духовного начала, логично предположить, что выживаемость государства в условиях отсутствия внешней агрессии зависит прежде всего от интегрирующей силы его культуры как основы национальной психологии и идентичности (самовосприятия) населения, а только затем — от экономически и стратегически мотивированных групповых и индивидуальных устремлений граждан. Следовательно, из двух концепций моделирования России выбирать стоит ту, которая в состоянии обеспечить условия для формирования мощной национально-государственной идентичности. Советская наднациональная культура в этом смысле показала свою несостоятельность.

Грандиозность зданий наднациональных государств от Римской империи и Империи Карла Великого до Советского Союза оттеняет трагизм их истории не только потому, что она связана с войнами, но и оттого, что ни один из этих колоссов не выжил. Можно ликовать по этому поводу, как можно ощущать и горечь сопереживания. Нельзя уклониться от обязанности охватить этот уязвляюще ясный факт рас судом.

Выживаемость государства зависит от его воли выжить. Наличие или отсутствие таковой определяется соотношением в массовом восприятии чувств макро- и микропринадлежности (макро- и микроидентичности). Житель Шотландии в XIX веке ощущал себя шотландцем и одновременно подданным британской короны. Так и венгр, чтивший в себе мадьярство, признавал свою причастность к монархии Габсбургов. Но в первом случае общегосударственное самовосприятие подавило локальное, и шотландцы не были склонны к сепаратизму, а во втором — чувство макропринадлежности не смогло подчинить себе микроидентичность венгров. Последняя в 1848 г. приобрела такую мощь, что вдохновила едва не сокрушившую габсбургское правление революцию.

Очевидно, сплоченность общества высока, когда макроидентичность доминирует над чувством микропринадлежности; если та и другое находятся в состоянии равновесия, складывается ситуация кануна распада (Советский Союз второй половины 80-х годов); возобладание локальных самовосприятий знаменует начало распада (попытки армян и греков Анатолии при поддержке Антанты отстраниться от Стамбула с момента окончания Первой мировой войны до утверждения у власти в Турецкой Республике М.Ататюрка). Можно предположить, следовательно, что нарастание потенциала «малых» идентич-

ностей способно подорвать влияние идентичности «большой» и подготовить раскол многоэтнической страны.

Однако если страна является национальным государством, у нее есть шанс заметить опасность и прекратить поглощение «чужих» территорией. Наднациональному государству пагубное отношение к себе как обрамляющей рамке, внутри которой сосуществуют разные народы, не позволяет вовремя остановиться. Так, в 1939 г. не остановился и присоединил к СССР принадлежавшую Польше Галицию И.В. Сталин, совершивший фатальную для русско-украинского единства ошибку. Она обернулась пылким национализмом западноукраинцев, их стойкими антимосковскими настроениями и тем почти недоступным пониманию фактом, что Украина стала самым трудным партнером России в мировом сообществе.

Национальные государства обнаруживали склонность к агрессии не менее наднациональных, но в своем экспансионизме они стремились быть рациональными. Сам принцип организации государства, роль инструмента обеспечения единства которого отводилась культурно-политической общности, выступал внутренним ограничителем — не экспансии вообще, но ее пределов. В саморасширении национальное государство сковано своей способностью синтезировать общие культуру и ценности, поддерживать их высокий моральный авторитет, несмотря на приток чуждых и несогласных на слияние элементов.

В отличие от национального, наднациональное государство своей вненациональной философией утверждает принципиальную возможность присоединения к себе других территорий. Внутренний культурно-психологический ограничитель экспансии отсутствует, ее масштабы зависят в основном от экономических и военных ресурсов правительства для того, чтобы «сбивать» воедино то, что на самом деле продолжает оставаться механически сочлененным конгломератом взаимно неприязненных, психологически (но не экономически и военно) самодостаточных территориальных и этнических компонентов.

Была ли историческая неизбежность в том, что Советский Союз, наиболее сложно организованное наднациональное государство, пал? Фундаментальные причины его гибели, думается, существовали. Одна из них — неприемлемый рост удельного веса нерусских и активно самоотчуждающихся от русской культуры составляющих государства. Приверженность утопии «всемирного пролетарского братства» повела большевиков дальше, чем позволяли себе Романовы, не спешившие, например, аннексировать Среднюю Азию быстрее, чем это позволяла возможность постепенно колонизовать ее. Культурный баланс русского и нерусского элементов в империи был в пользу первого. В Советском Союзе это соотношение было нарушено, когда большевики включили в состав государства исламские территории Хиву и Бухару, добавив к ним в 1943 г. буддистскую Туву.

Изнутри дело осложнялось изменением соотношения численности «старых» и «новых» этнических групп за счет опережающих темпов прироста населения в азиатских районах. Эта диспропорция

была связана с систематическим перераспределением общесоюзного «пирога» ассигнований на культуру и социально-бытовые нужды в пользу нерусских республик. Уже в середине 70-х годов в Центральной России отмечались признаки этнодемографической деградации (превышение уровня смертности над рождаемостью), и в это же время союзные и автономные республики СССР вступали в пору своего национально-культурного расцвета. Оставаясь по абсолютным показателям развития культурным лидером, Россия отставала от них по темпам прироста культурно-национального достояния и прочности национальной идентичности. В конце 80-х годов великорусская народность стала составлять менее половины населения СССР.

Но, возможно, самое главное было в том, что большевики принесли с собой доктрину «многонационального государства», объявив его воплощением гармонии межэтнических отношений и целью национального строительства. Между тем, по определению «многонационального государства», то есть государство многих наций, могло быть только результатом разрушения наднационального государства. Как единое целое Советский Союз мог существовать лишь до тех пор, пока массовое сознание его главных нерусских составляющих оставалось на «донациональном уровне». Едва только микроидентичности союзных республик окрепли так, что смогли на равных выступать с советской макроидентичностью (а это стало происходить в последние 35-40 лет существования СССР), началось его разрушение, и этносы с неизбежностью потянулись к созданию собственных национальных государств. «Многонациональное» государство и в самом деле было создано в СССР, став «высшей и последней» стадией наднациональной траектории государственного экспериментирования на территории исторической России.

Драму этого распада невозможно отделить от международного контекста. Подобно тому, как в экономике существуют длинные циклы Н.Кондратьева, в мировой политике можно вести речь о длинных волнах национального самоопределения. Первой из таковых была эпоха революций XIX века в Европе, когда сложились национальные государства в ее западной и центральной частях. Вторая волна с окончанием Первой мировой войны и дала жизнь новым государствам в Европе Восточной. Третья — в 50-х и 60-х годах XX века разрушила империи Британии и Франции, четвертая — на рубеже 90-х, расколов Чехословакию, захлестнула Югославию и Союз ССР.

Принято порицать большевиков за то, что своей концепцией самоопределения они подготовили разрушение СССР. Упрек уместен, но содержит упрощение. Власть досталась российским коммунистам в пору апогея второй длинной волны. Гибли Австро-Венгрия и Порты, на территории империи Романовых самопровозгласились независимые Украина, Грузия, Азербайджан, Армения. Не было надежд сохранить Прибалтику, отделились Финляндия и Польша. При том, как ограничены были ресурсы, удивительно, что большевикам вообще удалось выстроить федерацию. Советское руководство нашло

оригинальный способ адаптации к националистической волне, «канализировав» ее в русло национально-территориального размежевания, погасив силу удара в хитроумных механизмах распределения благ и преимуществ, сопряженных с созданием в новых республиках властных структур и элит властей предрержащих.

Это был выигрыш не без потерь. «Отцы-основатели» пошли дальше, чем к тому понуждала волна самоопределения. К внутренней России они применили тот же принцип «раздачи» государственных, что и к периферии. Но на окраинах создание квазигосударств могло быть уже неизбежным, а внутри исторического ядра России в том виде, как оно сложилось к моменту гибели дома Рюриковичей (1598 г.), новая этноадминистративная чересполосица породила конструирование микроидентичностей «практически с нуля».

Считается, что, провозгласив создание союзных и автономных республик, большевики не допустили реального автономизма. И.В.Сталин не испытывал доверия к национальным меньшинствам, предпочитая на местах иметь верных людей. При нем сложился институт вторых секретарей в партийных комитетах национальных республик. На эти должности выдвигались русские и украинцы, которым поручалось курировать вопросы идеологии и оставаться оком Москвы на периферии.

Но со смертью И.В.Сталина в 1953 г. произошли изменения, тоже связанные с «длинной волной национального самоопределения», на этот раз третьей. Приход Н.С.Хрущева ознаменовался интересом к концепции исторического «соревнования двух систем». Перевод вопроса об отношениях с Западом в плоскость мирной конкурентности вел к переосмыслению вопроса о союзниках. Началась разработка вошедшей в 1961 г. в Программу КПСС теории трех революционных сил — мировой социалистической системы, рабочего движения в капиталистических странах и национально-освободительных движений в развивающихся государствах. Национализм «третьего мира» был провозглашен союзником Москвы. Но рассчитывать на успех сотрудничества с ним и одновременно следовать сталинской линии подавления «малых» национализмов внутри СССР было трудно. Поэтому советское руководство пошло на либерализацию политики в отношении национальных республик под лозунгом «выдвижения национальных кадров». В результате к середине 60-х годов в СССР сложилась новая партийно-национальная элита из лиц коренной национальности.

Новая элита была образованней прежней и обладала более многослойным сознанием. В нем уживались лояльность коммунизму с приверженностью местным культурно-бытовым нормам, традиционной практике неформального регулирования отношений через родственные, земляческие, клановые, родо-племенные механизмы. Соединение этой сохранившейся «невидимой механики» с официальной партийно-государственной иерархией в 50-60-х годах способствовало укреплению власти Москвы на периферии. Н.С.Хрущев смог адаптировать СССР к разрушительным воздействиям третьей волны.

Однако бум малых идентичностей, сопряженный с массовым приходом к власти на местах национальных кадров и столь же массовым вытеснением лиц, в этническом отношении некоренных, не сопровождался принятием адекватных мер для укрепления общегосударственного самовосприятия. Падала действенность власти вторых секретарей: как «чужаки» они были выключены из механизмов традиционного регулирования общественных отношений. За 50-80-е годы произошло перераспределение ролей между центром и республиками таким образом, что первый сохранил за собой контроль только над вопросами безопасности, иностранных дел и макроэкономического планирования, а вторые получили реальную самостоятельность в ключевых для воспитания национальной идентичности сферах — кадров, культуры и образования.

Вместо формирования общности культурного склада нормой оказывалось состояние конкуренции культур, которые, соприкасаясь, только повышали иммунитет по отношению друг к другу. «Успех» советизации вылился в то, что понятие «русский» в сознании самих великороссов и других народов СССР было потеснено понятием «советский». Волнами дискриминации с конца 40-х до середины 80-х были приучены бояться своей национальности лишь советские евреи. В остальном культурная советизация не прижилась. К концу 70-х средний секретарь райкома КПСС в Тбилиси и Ереване чувствовал себя менее лояльным Москве, чем Эриванский или Тифлисский губернаторы из числа местных уроженцев ощущали себя верными Петербургу в начале XX века. Еще более значимо, что нерусские народы, получив небывалые возможности для этнопсихологического и культурно-политического развития, научились ощущать и демонстрировать свое превосходство по отношению к русским.

Это должно было рано или поздно вызвать контрреакцию русско-украинской части советской элиты — прежде всего выдвиженцев из низов, которые чаще других соглашались на работу вторых секретарей, не имея возможности сразу получить более престижные места. Ротация кадров вела к тому, что через должность вторых секретарей проходило довольно большое число кадров, которые привносили в среду партийной элиты этнонациональное сознание, активизированное опытом работы в чужденациональном окружении. Не только эту, но и новую струю русского национального самосознания, вобравшую опыт ущемленного положения русских в нерусских республиках, уловил Б.Н.Ельцин, сделав центральным пунктом своей программы идею суверенитета и самостоятельности России и тем добившись своего избрания в 1989 г. председателем Верховного Совета РСФСР.

Распад СССР, будучи, вероятно, самым впечатляющим примером почти мгновенного разрушения наднационального государства, одновременно символизировал, по-видимому, крах наднациональной парадигмы на территории бывшей Российской империи. Этот факт, однако, не принят большинством российской элиты. Инициировав роспуск Союза вместе с Украиной и Белоруссией, Россия не стала

относиться к себе как к национальному государству. Возможно поэтому столь многие в Москве видят в СНГ не блок 12 национальных государств, а соединение 11 из них с Россией, которой отводится роль странно вязкого, лишённого четких границ «цементирующего» ядра. И оттого так легко в Кремле сложилась концепция «российского народа», несущая в себе такое вненациональное содержание, как прежде понятие «советский народ».

На первый взгляд, в пользу сохранения наднациональной основы России говорит многое: советский опыт мирного сожительства народов в пределах одного государства; ностальгия по величию, которое связывалось с контролем над частями пространства, которые теперь отпали; предположение о том, что в «многонациональной» стране создание национального государства «несправедливо»¹. Но и контраргументов достаточно: мирное сожительство внутри Союза не обеспечило ему жизненной силы; величие, если за него надо платить разорением русских областей ради «прикормки» окраин, оскорбительно и неприемлемо для измученного российского хозяйства. Что до «несправедливости» национального государства в России, то эта проблема во многом снимается, если уяснить, что национальное государство может быть многоэтническим. Почему Россия, где русские составляют более 80 процентов населения, должна считать несправедливым провозглашение себя национальным государством, если таковым считает себя Канада, в которой доля англо-канадского большинства составляет менее 50 процентов, франко-канадцев — 25 процентов и ещё 25 процентов приходится на другие группы — от эскимосов до украинцев?

Для горожан Москвы, Питера и Нижнего слово «россиянин», которым предлагается именовать всех, кто проживает на российской территории, не обидно в той мере, как этнически смешанной стала городская среда. Но для русских селян и жителей безбрежной массы малых городов России это слово звучит вычурно и бессмысленно, как и для кабардинцев, башкиров, якутов и других, даже примирительно настроенных нерусских групп Федерации. Годится ли в таком случае «российскость» для роли основы общестрановой самоидентификации?

Боязнь сформулировать ясную линию строительства России как государства, организующим принципом которого является принадлежность к русской культуре, не уберегла ее от центробежных тенденций. Примеры тому — Татарстан, постыдный курьез «Уральской республики» и чеченская трагедия. На фоне «вакуума» позитивной национальной философии в провинциях нарастает культурное самоотчуждение, которое выходит за рациональные рамки «сохранения самобытности». Одновременно экстремистские теории «русскости» разрабатывают ультраправые. Решение проблемы территориальной целостности Федерации, как представляется, следовало бы

¹ Лепту в разработку такой аргументации внес и автор статьи, за что несет долю ответственности. См.: Богатуров А., Кожокин М., Плеваков К. Национальный интерес в российской политике // Свободная мысль. 1992. № 5.

искать не на пути ломки реально существующей — плохой или хорошей — административной структуры через всеобщую ее «губернизацию», но через использование все еще не оцененных в должной мере возможностей культурной политики.

Вряд ли можно обойтись без концепции общенациональной культуры, которая, будучи в основе русской, отличалась бы от традиционной русской культуры в одном — была бы свободной от религиозной окраски в той мере, как для единства государственного «я» важна принципиальная приемлемость русской культурной основы для нерусских, иноцивилизационных составляющих Федерации. Главным признаком принадлежности к России как стране и государству стоило бы считать не проживание на территории Федерации, а добровольное самопричисление к общенациональной культуре, которая при этом объективно будет культурой преимущественно русской в ее светском варианте.

Национальное государство в России — это не отказ от территорий с исторически не чисторусским населением, но это и не уничтожение их самобытности. Это сохранение полноты культурного и бытового своеобразия нерусских народов, однако в рамках разделяемого ими чувства принадлежности не только к экономическому, политическому и военному организму единого Российского государства, но прежде всего к его общенациональной культуре. Угроза целостности страны видится не в развитии нерусских национальных культур, но в угарном отказе малых народов от усвоения культуры русской.

Конечно, побудить силой к ее усвоению нельзя. Частью решения проблемы может стать возвращение русской культуре внимания государства, оказание ей поддержки, в относительном выражении, по крайней мере, не меньшей, чем та, которую систематически получают в республиках культуры нерусских народов. Достаточно побывать в бывших автономиях, чтобы увидеть, насколько губителен для единства страны протекционизм местных властей в культурной политике.

Интересам России отвечала бы свободная конкуренция культур, в ходе которой русская сама смогла бы реализовать свое «практическое превосходство» и индуцировать изнутри идущее желание образованных слоев местных обществ приобщиться к ней, не порывая связи с культурной традицией своей этнической группы. Есть основания полагать, что ограждение малых культур от конкуренции с русской несет в себе тенденции разобщения, которые вряд ли возможно сдерживать только экономическими уступками. Такие уступки нужны, но важно уравновесить их проведением в регионах энергичной культурной политики как средства преодоления кризиса идентичности, с которым столкнулась Российская Федерация.

Говоря о противоборстве национально-государственного и наднационального начал, стоит коснуться концепции, рассматривающей Россию не как страну и государство, а как цивилизацию, под которой предлагается понимать совокупность определяющих для данного географического ареала и отличающих его от других зон культурно-

психологических характеристик. Именно они на протяжении длительного исторического времени самореализуются в специфике представлений о материальных и культурно-этических ценностях, способах их производства, поведенческих особенностях, а также типических для данной цивилизации взглядах на себя, окружающий мир и свое место в нем.

В основу концепции «Россия — цивилизация» кладется геополитический факт — промежуточное положение страны между культурным Западом и культурным Востоком, ее переходное состояние по отношению к обоим, которое, как постулируется, позволяет считать Россию особым цивилизационным феноменом, несовместимым с такими «цивилизационно чуждыми» понятиями, как, например, «национальное государство». Нынешнюю Россию, как и старую империю, считается возможным представлять не как наднациональное государство, а как уникальное образование, обладающее силой органического цивилизационного притяжения, которому отводится главная интегрирующая роль на российском имперском и постимперском пространствах. В подтверждение уместности такой интерпретации ссылаются на пример Китая, о котором американский китаевед Лукиан Пай из Массачусетского технологического института как-то сказал, что это «цивилизация, которая претворяется государством».

Кому-то сопоставление покажется соблазнительным, например, потому, что оно позволяет легко обосновать необходимость восстановления единства старого союзного пространства как зоны российского цивилизационного влияния. При более пристальном отношении к концепции возникают, однако, сомнения — но не потому, что Россия не дотягивает до роли самостоятельной цивилизации, а оттого, что определение «цивилизация» никоим образом не постулирует государственного единства. Исламская, так же как и западная, цивилизация состоит из десятков страновых фрагментов, тогда как нас в этой статье заботит способность России устоять как государству. Цивилизационная гипотеза, скорее, ориентирует на примиренность с неизбежным распадом, тогда как цель видится в попытке найти путь к его избежанию.

На уровне внешнеполитической практики отправными точками в поиске целесообразно видеть, во-первых, взаимопонимание с нашими западными партнерами в отношении происходящих во внешней политике России сдвигов, а во-вторых, в модернизации самой этой политики прежде всего в том, что касается отношений с новым зарубежьем. Стоило бы понять, что поворот от безоговорочного единения с Западом к логике национального интереса — не измышление качнувшегося к авторитарности российского руководства, а результат трансформации России из наднационального государства Советов в национальное государство с сопутствующей такому переходу потребностью в позитивной национальной философии. Задачи текущего момента во многом сводятся к приобретению способности разумно управлять процессом становления национального сознания в России, а не к попыткам фронтально противостоять ему.

Концепция России как национального многоэтнического государства официально остается непризнанной и конкурирует с остаточным мышлением парламентариев, руководства партий, общественных движений и части деятелей средств массовой информации в русле старой, наднациональной традиции. Отсюда эклектизм установок Москвы, в которых сочетаются задачи обеспечения внешних условий для консолидации самой России с попытками возложить на нее максимальную долю ответственности старого Союза.

Между тем принятие этой концепции позволило бы лучше использовать внешнеполитические ресурсы, концентрируя их на направлениях, которые в решающей мере необходимы для поддержания статуса великой державы, и одновременно высвобождая их за счет свертывания избыточной вовлеченности за рубежом. Расширительные интерпретации международной роли России и ее задач в СНГ представляются несвоевременными. В свете нарастания внутренней конфликтности силы требуются для разрешения «домашних» проблем.

Отказ Москвы признать себя национальным государством вызывает настороженность стран нового зарубежья. Сегодня бывшие республики, лучше понимая соотношение потерь и выигрышей от сохранения «особых» отношений с Россией, ведут себя покладистей, чем в годы упоения «самостийностью». В рамках СНГ заключен экономический союз, выгоды или просто отсутствие альтернатив которому в основном связаны с зависимостью новых государств от российских нефти и газа. Но тем показательней, что военно-политическое сотрудничество стран Содружества не обещает скорого создания структур стратегического сотрудничества, формирования объединенных вооруженных сил и т.п.

Несмотря на стремление сохранить привилегии в экономических отношениях с Москвой, дополненные расчетами воспользоваться российскими стратегическими гарантиями (Армения, Таджикистан, Туркмения) и политической поддержкой (Грузия), в целом мало кто в новом зарубежье выказывает готовность поступиться суверенитетом ради маячащей за Содружеством надгосударственной идеи. Пример Белоруссии с ее «несостоявшимся» национализмом — исключение, подтверждающее правило. Бывшие республики предпочли бы иметь дело с Россией как национальным государством — потенциально грозным, но все-таки ограниченным в возможных устремлениях к слиянию с новым зарубежьем.

Конфликт в Чечне, поставки туда военного снаряжения из-за рубежа вынуждают возвращаться к необходимости обустройства внешних границ Российской Федерации. Расходы по обустройству границ, конечно, лягут бременем на налогоплательщиков. Однако можно предположить, что они не будут большими, чем те, что понесла Россия из-за чеченской кампании.

Вопрос о границах непосредственно выводит к российской политике в Центральной Азии, принципиальным для которой остается вопрос о будущем российско-казахстанских отношений. Значение

Казахстана для России несопоставимо выше, чем любого другого нового государства постсоветской зоны из числа азиатских. Поэтому стоило бы на двусторонней основе проработать перспективы российско-казахстанского союза, и в зависимости от этого решить вопрос о линии прохождения границы стратегической ответственности Москвы в Центральноазиатском регионе — к югу или к северу от казахстанских границ. Однако при всех обстоятельствах эта часть границы должна быть контролируемой.

Прояснение будущего отношений с Казахстаном могло бы стать логическим прологом к свертыванию военной вовлеченности России в Таджикистане, а в перспективе, как представляется, неизбежному отказу от нее. При этом на первом этапе, вероятно, речь могла бы идти не просто об «оставлении Таджикистана» на произвол обстоятельств, но, так сказать, о делегировании значительно большей доли ответственности за таджикскую ситуацию соседнему Узбекистану, которому, соразмерно тому, Россия могла бы увеличить военно-экономическую помощь.

Вопрос о границах России в практической плоскости актуален прежде всего в том, что касается их азиатского периметра. В европейской части проблема границ в целом менее остра и упирается в основном в экономическую контрабанду, к которой примешивается та или иная доля политически и психологически мотивированных неопределенностей. Вряд ли сама по себе она особенно важна для отношений России с Украиной. В этом случае большой эффект могло дать не обустройство границ, а последовательное, но не слишком навязчивое декларирование намерений России строить национальное государство в пределах своих нынешних рубежей. Типологически Россия и Украина находятся друг к другу ближе, чем это признают официальные политики. Обе страны не знали традиций национально-государственного развития, в обеих народная ментальность тяготела к наднациональности, обе остаются многоэтническими государствами со слабым и неустоявшимся национально-государственным «я».

Однако если нынешнее российское мышление отягощено инерцией наднациональности, украинское склоняется к национальной философии в ее более умеренном после выборов 1993 г. варианте. Зафиксировав общность установок на создание национальных государств в своих странах, правительства России и Украины могли бы продвинуться к преодолению взаимных сомнений и умерить, в частности, опасения Украины по поводу возможных попыток Москвы в форме «реинтеграции» навязать Киеву свой протекторат.

Наконец, в духе интересов национально-государственного строительства России стоит переосмыслить и соотношение нажимных и кооперационных составляющих российской политики в отношении Балтии. Теперь, когда низшая точка отношений с ними в основном, хочется надеяться, пройдена, вывод войск завершен, а Эстония и Латвия нехотя, но все же начинают реагировать на обращенный к ним призыв международного сообщества отказаться от своей дискриминаци-

онной политики в отношении прибалтийских русских, наступает пора готовиться к подлинной нормализации отношений с этими странами.

Условием, взаимопонимания при этом мог бы стать отказ российской стороны от попыток превратить эстонских и латвийских русских в сообщества российских граждан за рубежом, разумеется, при встречной готовности Эстонии и Латвии создать более благоприятные условия для расширения возможностей русского населения интегрироваться в эстонское и латвийское общества, в том числе через расширение возможностей для получения адекватного образования, служебной карьеры и предпринимательства.

Необходимые и далее протесты по поводу нарушения прав человека, скажем, в Эстонии, правительство которой и на Западе не пользуется репутацией самого дальновидного, не может заслонить видения крупниц политически целесообразного в его действиях. Стоит спокойно осмыслить то обстоятельство, что для большинства русских отказ от переезда в Россию — сознательный выбор, предполагающий и необходимость приспособиться к жизни в пока еще чужденациональном государстве. Русские в Эстонии имеют все права на сохранение своей этнокультурной самобытности.

И все же в интересах России, чтобы они оставались не просто русскими в Эстонии, а постепенно научились ощущать себя эстонскими русскими, как стали во втором и третьем поколениях американскими татарами и итало-американцами люди, в силу стечения разных обстоятельств перебравшиеся в США из Старого света, как стали русскими армянами и русскими грузинами давние потомки переселенцев с Кавказа в Россию, как, позволю предположить, должны рано или поздно стать русскими чеченцами внуки и правнуки тех, кто сегодня так или иначе оказался связан с мятежниками и террористами в Чечне.

В преддверии полосы выборов российское сознание колеблется между наднациональной и национально-государственной парадигмами развития. Страна раздваивается между соблазном мессианства в постсоветском пространстве и потребностью ощутить себя национальным государством — не в меньшей степени, чем ощущают себя таковыми Франция, Китай или Турция. Имеющиеся в самой России и вне ее страхи перед национал-экстремизмом только оттеняют потребность в воспитании национально-либерального сознания. Оно, будучи проникнутым идеями универсального значения — демократия, свобода, достоинство личности, — было бы в состоянии обеспечить их доктринальное и практическое политическое воплощение в форме, учитывающей культурные, ситуационные и психологические особенности России. Назревшим кажется и отказ от наднациональных установок, которые отвлекают материальные и организационные ресурсы страны от главной задачи — укрепить Федерацию, сплотить ее не только силой поколебленного военного могущества и надеждой на экономическую стабилизацию, но и мощью национального сознания, которому, как представляется, суждено стать основой новой российской государственности, в отличие от времен, когда государственность замещала национальность.